

Прошёл уже год с тех пор, как Алисия заперлась в этой маленькой хижине...

В то время я и представить себе не мог, что она примет эти условия, не говоря уже о том, чтобы так долго продержаться. Именно по этой причине я намеренно предъявил ей такие условия. Их единственной целью было заставить её сдаться, но в конце концов они лишь ещё больше укрепили её решимость.

До этого момента мне казалось, что я хорошо понимаю её характер. Но, похоже, я ошибался. Простых трудностей уже недостаточно, чтобы заставить её передумать, и даже невыполнимые условия, похоже, нисколько её не смущают. Моя маленькая девочка так повзрослела, но я понял это только тогда, когда было уже слишком поздно.

...А сейчас прошёл целый год с тех пор, как я в последний раз её видел.

Я "общался" с ней, снабжая её едой, одеждой и книгами, заставляя её личную горничную Розетту путешествовать туда и обратно в качестве посредника.

Но, конечно, Алисия не имела никакого реального контакта с Розеттой.

Её горничная просто оставляла необходимые вещи перед хижинкой, а затем возвращалась обратно в поместье. Хижина, в которой она живёт, крошечная, старая и изношенная, но в ней есть ванная и все необходимые удобства, так что она, по крайней мере, пригодна для постоянного проживания. Тем не менее, это так сильно отличается от жизни в избалованном комфорте, который предоставлял особняк, что я думал, что она не сможет справиться с неудобствами этого нового образа жизни.

Перейти от простой жизни к роскоши – это одно, но обратное не может быть почти таким же плавным переходом после наслаждения непомерным образом жизни с самого рождения.

Но, несмотря на всё это, Алисия уже успела прожить там целый год. Как долго она сможет с этим мириться? В прошлом она так легко сдавалась. Я никогда бы не подумал, что когда-нибудь захочу, чтобы те дни вернулись. Я знаю, это ужасно, но... Я хочу, чтобы она сдалась!

Хотя было уже слишком поздно, когда я узнал, что Алисию похитили, я искренне пожалел о своём решении позволить ей наблюдать за Лиз Кэтер.

Когда я увидел её в нашем поместье целой и невредимой, все её раны, возможно, уже зажили, но моё воображение не могло не буйствовать. Мне рассказали, в каком состоянии она была, когда выбралась из хижины, так что один её вид напомнил мне обо всех мучениях и боли,

через которые ей пришлось пройти. Мне было интересно, какие шрамы остались в ней, какую травму она, должно быть, получила, пережив такой опыт. И эти мысли показались мне тупым, зазубренным ножом, вонзившимся мне в сердце.

Моя драгоценная дочь могла умереть в тот день. Этот факт давил на меня тяжким грузом, как и всепоглощающая волна сожаления.

Возможно, не было никакого способа повернуть время вспять и изменить своё решение, но я думал, что могу, по крайней мере, попытаться уберечь её от подобных ужасов в будущем. Поэтому я решил заставить её бросить эту опасную работу!

Но она упрямо отказывалась.

Я не мог её понять. Она пережила такое тяжёлое испытание, её жизнь была поставлена под угрозу, и всё же она сказала мне, что хочет продолжать следить за Лиз Кэтер. И её желание продолжать было настолько сильным, что она даже была готова принять эти неразумные условия и прожить в этой крошечной хижине два года.

Как бы это ни было неприятно, я считаю, что важно брать на себя ответственность за то, что ты говоришь. После того, как я уже предложил ей эти условия и пообещал позволить ей продолжать наблюдение, если она их выполнит, я не мог подать ей плохой пример, нарушив своё обещание или попытавшись взять всё назад.

Поэтому я должен был позволить ей попробовать, и независимо от того, каковы будут результаты, я обязательно выполняю свою часть сделки.

Как только я осознал свою вопиющую ошибку, я понял, что не говорил об этом ни Королю, ни остальным членам совета. К счастью, Люк – умный и мудрый Король, поэтому я предположил, что он, по крайней мере, будет готов выслушать мои объяснения и понять мои чувства как отца, но это не значит, что другие члены совета будут так ко мне снисходительны.

Поэтому, отослав Алисию, я созвал экстренное заседание совета и всё им объяснил.

Йохан был весьма недоволен тем, что я действовал единолично, бормоча себе под нос что-то вроде "эгоистичный дурак", но, как и все остальные, я смог убедить его посмотреть на это всё с моей стороны.

Это факт, что если Алисия не сможет хотя бы достичь девяностого уровня в магии, то она не сможет должным образом направлять Святую, потому что кто-то с явно более низкими способностями просто не сможет иметь над ней никакой власти.

Трудно спорить с логикой, поэтому все четверо, к счастью, согласились со мной, хотя и не смогли скрыть своего нетерпения, так как мы, по сути, упускаем два года возможностей.

К тому времени, когда Алисия вернётся, Лиз Кэтер будет уже двадцать, а это значит, что она будет на последнем курсе Академии. И как только она закончит Академию, у Алисии больше не будет возможности регулярно видеться со Святой, так что у нас будет только один год, чтобы должным образом изменить её менталитет.

У нас нет времени, чтобы тратить его впустую. Я знаю это.

Но почему это должна делать моя дочь?

Алисия может быть беспрецедентным *enfant terrible**, как и Святая, но это не достаточно веская причина для меня, чтобы просто сидеть сложа руки и смотреть, как её подвергают опасности. Я не могу закрыть глаза на то, что её уже один раз чуть не убили. Я всё ещё чувствую, как моя кровь кипит и ярость бушует во мне каждый раз, когда я думаю о том, что эти ублюдки пытались с ней сделать.

**Enfant terrible* — несносный (избалованный, капризный, озорной, непоседливый) ребёнок, происходит от французского выражения, появившегося в XIX веке.

И этим хладнокровным ублюдкам, которые позволили этому случиться, которые хотят, чтобы она продолжала, несмотря на опасности, которые ворчат о том, что я сумасшедший, что я вмешиваюсь... В какой-то момент я едва мог сдержать убийственную ярость, которую испытывал по отношению к ним. Я потребовал ответа:

— Кто вам моя дочь?! Инструмент, который можно просто использовать и выбросить по своему усмотрению?!

Эти слова быстро заткнули всех четверых.

После долгого, затянувшегося молчания Люк наконец заговорил впервые за всё время с момента начала совещания. Он просто сказал:

— Чтобы иметь дело с *enfant terrible*, нужно использовать другого *enfant terrible*.

Я не мог с этим поспорить. Но я всё равно хочу, чтобы это была не моя дочь. Я знаю, что веду себя эгоистично, но всё же надеюсь, что она сдастся. Что она забудет об этой работе, вернётся к нам и будет жить здесь счастливо и в безопасности. Каждый день я навещаю её хижину и просто наблюдаю за ней издали, молча умоляя Алисию выйти. Вернуться домой.

В тот же день, когда я объяснил совету, что произошло, я впервые пошёл к Гиллесу. И то, кого я увидел, было очень худым молодым человеком, который был довольно маленьким, даже для ребёнка девяти лет.

Увидев меня, выражение его лица несколько не изменилось, но как только я начал объяснять

ему ситуацию, его лицо продолжало темнеть и раздражаться с каждой секундой.

К тому времени, как я начал объяснять, что Алисия не сможет посетить бедную деревню в течение следующих двух лет, его взгляд стал враждебным по отношению ко мне. Он угрожающе смотрел на меня, и в глубине его глаз горела такая огромная жажда крови, что мне было трудно поверить, что ему девять.

Рассказав ему обо всём, я передал ему мерзкую розовую жидкость, содержащую смесь под названием "Абелл". Я объяснил ему, что если он возьмёт это, то сможет пройти через стену в любое время, когда захочет сам посетить деревню.

Больше я ничего не сказал. Но его ответ был настолько неожиданным, что я лишился дара речи.

— Когда родители идиоты, их дети в глазах других ещё хуже, – выплюнул он с усмешкой на лице, прежде чем повернуться на каблуках и выйти из комнаты, не сказав больше ни слова.

Я был так ошеломлён, что не сказал ни слова в ответ. Я лишь смотрел на его крошечную спину, когда он вышел за дверь.

Не прошло и дня, как я понял, как он планировал провести все эти два года. Похоже, он и Алисия действительно сделаны из одного теста.

С тех пор, как он понял, что его оставили наедине с самим собой, он немедленно спрятался в библиотеке.

Хотя, в отличие от Алисии, он и не собирался оттуда уходить. Даже еду он ел в библиотеке. Слуги доставляли её туда в нужное время дня и забирали пустые тарелки, как только он заканчивал трапезу. Правда, он сделал исключение для купания, но даже купался он через день.

Единственный раз, когда он выходил из библиотеки надолго, было ночью, когда он уходил в лес за поместьем. Судя по донесениям, каждый раз он шёл напрямик в сторону бедной деревни.

Гиллес был не единственным, кому я должен был объяснить временное отсутствие Алисии. Я постарался объяснить ситуацию и остальным членам моей семьи.

Двое моих сыновей, Алан и Альберт, никак не отреагировали на эту новость.

Но Генри – другое дело. Когда я рассказал ему об этом, то он впервые при мне повысил голос.

— Зачем ты поставил ей такие нелепые условия?!

Он кричал.

— Разве ты не понимал, что Аля примет их, даже если они кажутся невозможными?!

И с того дня Генри больше со мной не разговаривал. Похоже, за то время, что я не уделял ей достаточно внимания, по крайней мере один из моих сыновей попытался понять её.

Но злился не только мой сын. Я понял, что на меня смотрит и сын Люка, Дюк. Каждый раз, когда мы случайно пересекались, он ничего не говорил, но ярость и презрение словно прожигали меня.

Моя жена тоже была весьма возмущена моим решением. С тех пор как Алисия ушла из дома, она придирается ко всему, что я делаю, ругает меня за самые незначительные, самые тривиальные вещи. И в тот день, когда Алисия уезжала, она хорошенько вдарила мне. После этого у меня неделю был синяк под глазом.

...И всё. Вот и вся обратная реакция, которую я получил от своего глупого решения.

Остальное шло от меня. Каждый день я сам себе жаловался на то, что не понимал по-настоящему свою дочь. Я всё ещё видел в ней маленькую девочку, которая никогда не придерживалась ни одной из своих прихотей, поэтому в конечном итоге я не воспринимал её достаточно серьёзно.

Мне почему-то не хватало мозгов понять, что она превратилась в молодую женщину, готовую на всё ради достижения собственных целей.

Когда мы разговаривали в тот день год назад, она была такой упрямой, и я не мог себе представить, как она будет проходить через что-то подобное, поэтому я сказал ей самые неразумные, невозможные условия, которые только мог придумать.

Примерно через полгода я получил первое и последнее за всё время письмо от Алисии. Письмо было написано на клочке бумаги.

Оно было адресовано мне Алисией и гласило:

[Дорогой отец, я случайно подслушала разговор двух садовников, как-то работавших около хижины, который побудил меня написать это. Они говорили, что ты глубоко сожалеешь о словах, сказанных мне в тот день. Но тебе ещё рано о чём-то сожалеть. Я позабочусь о том, чтобы твои два условия были выполнены в совершенстве, и тогда ты можешь смело начинать сожалеть. А до тех пор, пожалуйста, живи в добром здравии. Алисия.]